

Элегия времени Игоря Потапова

Игорь Потапов — самобытный и крупный русский поэт, создавший в стихах свою Вселенную: ее масштаб — 840 произведений (стихи и эссе) на портале «Литсайт.ру», где за 2,5 года его поэзию открыли для себя порядка 330 тысяч читателей.

Его откровения в стихах дают возможность познакомиться и с этапами нелегкой жизни автора. Судьба советского инженера, нередко наказываемого партийной администрацией за всегдашнюю принципиальность (а также за православное крещение в 30-летнем возрасте), привела его — ведущего инженера-технолога со стажем в авиации более 50 лет — к позиции духовного интроверта. В поэзии Игорь Потапов — непримиримый поборник осмысленной значимости поэтических текстов и ясновидец высот и глубин жизни.

Приоткрывая одну из тайн вершины мастерства стихосложения, он пишет: «Поэзия — это Душа автора, вплетенная в проживаемое время, делающая его видимым, осязаемым и переживаемым читателем». Благодаря этому стихи поэта наполнены живыми образами и штрихами эпохи, самоиронией и духовным трагизмом, откровениями, едва ли переводимыми на язык прозы, такими как, например, «Элегия весны», в которой «безнадежность еще никогда не цвела».

«Я — человек простой
и говорю стихами» —
дома — люблю «тройной»,
в гостях отмечаю — духами.
Родился — в год гибели Манделыштама,
Ровесник — Высоцкого и Челентано.
Родился бы раньше — верянок — расстрел,
за несогласие и «аморалку»,
а так — два высших схватить успел,
чернобыльскую гадость и коммуналку.
Челом не бил, не стелился ужом,
как на духу перед вами — чистый.
Спасибо Родине — не стал бомжем,
ну, и конечно, — не коммунистом.

Я — твой образ и частица,
и Тебе подобен — дескать,
мне бы — Света причаститься
невечернего и детства.
Распознать мираж насеста
власти и условность плена,
возрасти умом и сердцем
до вершины искупления.
Непонятный, нелюбимый,
неприкаянный, но мне бы —
обрести свои глубины,
отыскать в глубинах — небо.
Но пока мой жребий бьется
воробьем в зубах у ночи —
вам — не ведать остается,
мне — молчанием пророчить.

АВТОПОРТРЕТ

Как лицо среди сотен затылков,
неудобный для всех, непохожий,
я — та мысль, что в заросшей бутылке,
и от тех, кто давно уже прожил.
В сквознях, как в космическом скерцо,
дома, как на вокзале ночуя,
и с беременным песнею сердцем,
я, в мне данных пределах, кочую.
И еще не познав сердцем Бога,
до тебя мне теперь нет уж дела,
я давно и хронически болен
нерешенностью формул предела.
Взглянешь рядом — великие цели,
чуть подальше — враждебные ханства,
между ними и войны и цепи,
дальше — все превращается в Хаос.
Мне дано от рожденья не мало —
память крови, терпение деда,
ах, как смотрит мне в след моя мама,
взгляд ее для меня стал пределом...
Но росой, как огнем обожженный,
соловьем захлебнувшись и утром,
увидав в роднике отраженья,
вспомню вдруг, что я жив, что не умер.

МОЛИТСЯ ОТРОК

Как церковь между домами
прячется, оставаясь на месте,
покуда петлю я по реке,

как мать, что повсюду с нами,
остается всегда в невесте,
да и все мы в Божьей руке,
как Дух, из тоски по воли и сини,
подчиняется плоти на — раз,
оставаясь Святым внутри,
так, верный Отцу и Сыну,
молится отрок! И образ,
сияя, делится — на два и на три.

В лето окончания школы
я полюбил девочку из соседнего дома.
Она перешла в девятый.
В неудобной беседке детского сада
мы целовались до рассвета.
У нее были: нежная кожа,
бездонно-восторженные глаза,
огненные губы и прохладные
от частого дыхания зубы,
но не было отца.
В ее объятьях мое сердце замирало.
Казалось, горячий Ангел вознесил
мою душу на несказанную высоту.
Интересно, каким казался ей я?
Уезжая учиться, я рассказывал ей
о таинственной Ризе.
Она плакала и просила вернуться,
я обещал ей.
Через год я вернулся, но ее уже не было.
Она умерла от лейкопении...
Во сне, я часто вижу ее и снова
ощущаю родники прохладных зубов,
окруженные озем мягких губ,
и восторженные, поправшие смерть,
глаза Ангела,
но я уже не обещаю ей,
потому что, если это случится,
она разочаруется.

ЭЛЕГИЯ ВЕСНЫ

Канем в весну: —
где кусты округлялись, как груди;
где безнадежность
еще никогда не цвела;
где по оврагам
черемуха пенит и студит;
ландыши, как Ангел
дарует нам чувство крыла.
Будто для взлета
деревья расправили крылья,
вот и меня —
подхватила весны круговерть,
это — последнее,
что предвещает открытье,
тайна полета в весну,
под названием смерть.
Не торопись,
не задень отстрадавшего кости,
пара гнедых — только память,
а с ней — не балуй.
Вон мой —
спасенья грядущего — космос,
вот он — из детства —
горит на щеке поцелуй.

ЧАС ПИК В МЕТРО

В «час пик» — обстоятельствам — раб,
с толпою — всегда в поединке.
Я в двери уперся, как краб,
чтоб легче дышалось блондинке.
В капкане вагона, как зверь —
жара, духота — съел бы льдину.
Она — смотрит в черную дверь,
подставив мне голую спину.
Загар чуть мерцает, как шелк,
одежды — всего лишь осколок,
меж плеч — золотистый пушок
струится в заманчивый желоб...
Бывает момент в жизни — лих,
но есть от него панацея —
вдруг, вспомнил Бунинский стих,
и то — чем гордилась Цирцея...
И, вдруг, будто тяжестью став —
последним мгновеньем — на «взлетке» —
как будто взлетаев состав
в метро — на «сиреновой» ветке.
В стекле отражались: вагон
и хаос — изнанка порядка;
и взгляд — увлекавший в полон;
и зов, и тоска, и загадка.
Но вот, приземлился вагон —
мгновенье, и двери открыты —
вспорхнула она на перрон,
оставив мне взгляд — Маргариты.

АДАЖИО

Жизнь, как память о лете —
там тепло и нас любят...
Налегке кануть в лета,
привыкать разве людям?
Все мое — в распродажу,
впереди путь мой Млечный —
лишь тоска и Адажио —
посох божий на вечность.
Чуть помедленней «Бледный»,
без цветов и без джаза,
это гимн мой последний —
тишина и Адажио.
Себя в музыке спрячу,
будто в ней мне спасенье —
тяжкий выдох без плача
и не ждать воскресенья.

ПРО ЗИМУ

Вот еще на исходе мой годик,
и зима мне — и в душу, и в дверь.
Слишком рано зараза приходит,
и не выгонит — даже в апрель.
Ночи мрак превратила в белила,
колею в мороз, как белье,
стал похож на сугробов безликость,
как на паспорте фото мое.
И с крыльца уже трудно спускаться
здесь метели во всю в январе,
и в потемках, в мороз — оголяться,
ведь удобства у нас — на дворе.
А потом согреваться у печки
под горячие с пыла блины.
Вот два дня не бывал я на речке,
и не чувствую в этом вины.
Оборвет провода — я со свечкой,

засугробит, а я — не замай!
и назло — развалившись на печке,
сочиняю частушки про май.
Но не жду я поблажек природы,
ведь Судьба, как сугробы в окно —
это честное время у года
и ни в чем не обманет оно.
И летят в пропасть старости сани
в них ненужный и преданный Лир.
И с кого ж Вы героя писали?
Эх, Вильям, извиняюсь, Шекспир.

МЕТЕЛЬ

Вот она белокрылая воля,
леденящее царствие сил,
очутиться кому-нибудь в поле —
«Боже праведный, Ты — упаси».
Белой сетью летящие кони,
вяжут всех по рукам и ногам,
замуруют в снегу, похоронят
под ревущий небесный орган.
Вихри ветра, взбесившие выси,
гонят в трубы взлохмаченный дым,
а сугробы, обрушив на крыши,
обросли пеленой бороды.
Ослепленная снегом ворона
месит воздух на месте крылом,
то взлетит против ветра с уклоном,
то по ветру, как тряпичный ком.
И несутся упругие нити,
снежной мглой истекает кудель,
как покою всему обвинитель,
над землей выступает метель.
Кто-то белый торопит с ответом,
по щелям нудно воет — «скажи-и-и»
и сечет снежным крошевом ветра,
обвиненную в серости жизнь.

МЫ ЛЮБИМ

Мы любим то, чему названья нет,
оно иль вечно, иль живет мгновенье —
то в мрак влечет, то в невечерний свет,
то полнит мир, то наполняет вены.
«Шерше ля фам!» — мы бредим сотни лет,
реальность дня, меняя на виденья,
и жаждем тайного, чему названья нет,
когда восторг сливается с томленьем.
Мысль, как во сне, где воля и покой,
и вдруг, как в зной, прохлады дуновенье,
и ты запретного касаешься рукой,
и от него нисходит откровенье.
И это то, в чем царствует Душа,
и разум — в пляс, не шелохнувши брови,
и задыхаешься восторгом, не дыша,
и весь ты полон высшею любовью...
Ах, эта ночь, в ней сгусток бытия,
в ней вся любовь, что сохранила память,
в ней все от Бога, может быть и я,
и звездный свет, и от лампы пламя.

Стихотворения публикуются в автор-
ской редакции.
Подготовила Ирина Рубашкина